

ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН

ДВИЖЕНИЕ К ИЗНАЧАЛЮ

Тарковский М. А. Три урока. Рассказы/повести. Тобольск: ТРОБФ “Возрождение Тобольска”. 2020. 544 с. (Серия “Библиотека альманаха “Тобольск и вся Сибирь”.) Тираж 3000 экз.

Издание это – фундаментальная презентация творчества таёжного писателя Михаила Тарковского. Оно представляет литератора-охотника с обстоятельностью и полнотой почти что академической.

Книга начинается с эссе Тарковского, давшего имя всему сборнику, – “Три урока”.

Это уроки, полученные самим автором, и одновременно уроки, которые следовало бы получить всем его собратьям по перу, поскольку они придают смысл и силу работе литератора. Иначе говоря, то, что составляет творческий багаж Михаила Тарковского, и в то же время тот благой груз, без которого писательское творчество обесмысливается.

Первый необходимый урок несёт в себе русская литература, притом, судя по перечисленным именам, это либо классическая дореволюционная литература России, либо продолжатели классической традиции наших дней (например, В. П. Астафьев). Автор видит смысл урока литературы в том, что она учит верности своей земле, чувству хозяйской причастности к ней и любви к читателю. Можно сделать вывод: подобный урок возможен постольку, поскольку литература-учитель закорена в родном языке, национальной старине и национальной же культуре. Невозможна русская литература, как пишет Тарковский, “без народности и религиозности”. Нет этого – и урок не состоится.

Второй урок – тайга. Притом именно сибирская тайга, а не леса Русского Севера. Для Тарковского тайга важна, поскольку рождает образцы русской жизни, позволяющие писателю “начать с корня”, то есть обратиться к сердцевине народа, к сокровенным погребам его души. Лучшее, что можно воспринять от таёжного урока, – понимание народного монолита, а не суетных верховых расколов (например, между городом и деревней). И ещё тайга даёт уважение к людям, погружённым в древнюю промысловую традицию, уважение, отрицающее всякую дурь, каприз, фанаберию. Тайга учит тому, что писательство – такой же промысел, как и охота, работа по металлу и по дереву; в нём нет никакой привилегии, оно не повод для гордыни, оно лишь может питать достоинство человека труда.

Наконец, третий урок – люди, общение с которыми возвышает душу. Например, писатели сибиряки: Анатолий Байбородин, Михаил Вишняков.

Михаил Тарковский с большим тактом призывает писательскую братию к делам простым, но таким, что из них укладывается фундамент народной жизни: передавать детворе заветы предков, лечить “состраданием и участливым

словом” глухоту народную к древним духовным сокровищам, обходиться с собственным даром “не как с собственностью, а как с Божьей ценностью”, нести его с осторожностью, так, чтоб “ничего дорогого не прижечь, иконки не уронить”. В сущности, по Тарковскому, литературный дар – одновременно промысел и служба, а служить приходится, безо всяких отговорок, тяжело и безотставочно, Богу да своему народу.

За вступительным эссе следует автобиографический текст “Бабушкин внук”. В нём Михаил Тарковский обстоятельно рассказывает, кто он таков и откуда есть пошёл. Можно сказать, задел на будущее – для биографов и литературоведов. Любопытно, что знаменитый родственник его кратко упомянут, да, но Михаил Тарковский ни в малой мере не пытается провести ниточки интеллектуальных и духовных связей между собой и всемирно известным режиссёром. Он показывает совершенно другое: главным человеком, стоящим у истоков его жизни, была Бабушка, везде в тексте почтительно называемая именно так – с большой буквы.

Михаил Тарковский, в частности, пишет: “Створами называют судовые знаки: два щита на берегу – один над другим. По ним судно выдерживает курс. Створы сошлись – значит, идёшь правильно... Пожалуй, самым главным в своей судьбе я обязан Бабушке, под надзором которой прошла главная часть моего детства. Бабушка сыграла определяющую роль в выборе первой профессии, да и весь мой дальнейший жизненный фарватер прошёл в её створе. Речь идёт о Бабушке по матери Марии Ивановне Вишняковой... Бабушка заложила во мне основы, открыв три двери:

- в русскую природу,
- в русскую литературу,
- в православный храм”.

Книга оформлена с барочной роскошью. Она, в сущности, представляет собой аналог драгоценной шкатулки, в которой сокрыты яхонты, лалы и жемчуга Слова, воплощённого через слово автора. Основу оформления составляют чёрно-белые фотографии И. Лукьянова, сделанные... нет, выражение “высокопрофессионально” здесь не подходит. Скорее, сделанные так, что каждая из них представляет собой произведение фотоискусства.

Издатель достоин высочайшей похвалы. Фактически он сделал всё, чтобы отчеканить профиль Михаила Тарковского на благородном металле русской литературы... во имя издательского идеала, прямо противоположного фастбучной индустрии современных корпораций, специализирующихся на массовом чтиве.

Основная часть сборника состоит из семи рассказов и семи повестей.

Проза Михаила Тарковского напоминает картинную галерею: вот портреты – что ни рассказ, то всё чей-нибудь портрет, чаще всего, человека простого, сельского, но цельной личности, а иной раз – очеловеченного пса, кота, иного зверя; а вот пейзажи – победительное величие природы по берегам великого Енисея: снега, деревья, горы, звериные следы, лёд, ломающийся в ту пору, когда река по весне “пошла”...

“Пейзажное письмо” – то, что особенно удаётся Михаилу Тарковскому и представляет собой что-то вроде его визитной карточки. Надо полагать, душа его радуется, когда перо его уходит от людей и приступает к живописанию природы. Так, авторизованный главный герой из рассказа “Таня” словно бы всей грудью вдыхает сибирскую природу: “Впереди лежало серебряное, в насечках ветерка блюдо Енисея. На той стороне, за тёмным забором ельника синела невыразимо осенней глубокой синевой невыразимая даль тайги. Всегда почему-то кажется, что осень не возникает здесь, на месте, а именно *приходит* в виде какого-то голубоватого воздуха особого качества, в котором всё начинает желтеть, жухнуть, табуниться, а у человека, наряду с растущей физической бодростью, открывается вдруг родничок поразительной восприимчивости к природе. И хочется, покоряясь её тихой воле, взобраться на самый высокий яр, встать на колени и, глядя в морскую даль Енисея, благодарить небо за эту посланную Богом тоску, за каждый лист кривой берёзки, скоро требующей столько любви и прощения в своей нищете. И долго будет укладываться в душе поминальная, в желток с луком, пестрота берегов и огненная трещина в базальтово-серой туче, заложившей север...”

Сюжетные извивы и развороты не столь уж сильно интересуют Михаила Тарковского. Ему интереснее приблизиться к человеку, запечатлеть его

крупным планом, дать иной ракурс, отойти подальше, потом выпустить на сцену его соседей, друзей, собеседников, на краткое время сосредоточиться на них, потом вновь вернуться к крупному плану... Так, чтобы та самая жизнь “коренная” была передана со всей точностью и во всём многообразии.

Притом во всяком портрете, даже если в фокус попал совершенно пропащий человек, есть что-то, вызывающее восхищение, любование, ощущение полноты жизни. Вот, например, рассказ “Васька”: центральный персонаж, молодой охотник Васька смотрит на свет лампы и испытывает сложную гамму чувств: “Ровно горела лампа. Чуть покачивалась под чисто вытертой луковкой стекла золотая корона пламени. Всегда есть в подобном свете что-то старинное, торжественное и очень отвечающее атмосфере той непередаваемой праведности, которая сопровождает одинокую жизнь охотника. В эти минуты Ваську охватывала такая волна любви ко всему окружающему, что по сравнению с ней долгие часы усталости, холода и неудач не значили ничего. Он смотрел на смуглые стены избушки и восхищался, как ладно срублен угол, как плотно заходит одно бревно за другое, как просто и красиво висят портянки на затёртой до блеска перекладине под потолком. И росла в нём безотчётная гордость за свою жизнь, за это нескончаемое чередование тяжкого и чудного, за ощущение правоты, которое даётся лишь тем, кто погружён в самую сердцевину бытия”.

Или вот апофеоз радости правильно устроившего свою жизнь человека в рассказе “Замороженное время”: “Ночью лежали накормленные собаки в будках, лодка темнела кверху дном у ограды, оббитый об кедрины “бура-нишко” с измочаленными в наледях гусеницами стоял, как брат, укрытый брезентом. Котя, угнездившись в ногах, тарахтел смешным кошачьим дизельком, и ровно дышала, положив голову на Гошину грудь, Валя, и сам Гоша спал спокойно и счастливо, потому что всё, без чего нельзя жить, было наконец подтянуто к дому”.

Михаил Тарковский любит выводить на сцену людей, вызывающих восхищение крепостью своей природы, какой-то древней, корнями в Святую Русь уходящей мужицкой полноценностью. Притом весьма часто эта полноценность связана с трудом. Тяжёлый, “промысловый” мужской труд вызывает у писателя почтительное отношение, и он со всей творческой силой своего дара передаёт почву для этого почтения своим читателям, как бы предлагая им: “Врастите в почву исконную, жирную, плодоносную, она есть основа народной жизни”. Всякое искусство, всякую сноровку, сметку и расчёт промысловика он ценит в людях.

Так, в повести “Стройка бани” главный герой, Иваныч, раскрывает свою природу, отшатывающуюся от всякого пренебрежения благим трудом: “...прекрасно знал и то, что дела надо доводить до конца, и то, что скорее умрёт, чем позволит пропасть многовековому мужицкому опыту, и то, что ненавидит всякую времянку, халтуру, лень и презирает того давнишнего мужичка”, у которого он однажды ночевал: в его избушке было полно щелей, но тот вместо того, чтобы их добром проконопатить, каждый вечер затыкал уши ватой, съедал две таблетки аспирина, и, натянув шапку, заваливался спать”.

Даже умирая, этот герой находит утешение не в картинках прежних любовных ощущений, а в переживании достойно прожитой жизни. Трудился, не покладая рук, значит, отвековал свой век честным человеком: “...разочаровавшись в... разовых средствах спасения, он нащупал в себе в общем-то не новое, но единственно прочное ощущение... ощущение достойно прожитой жизни и необходимости такого же достойного конца. Самой смерти Иваныч не боялся, но в некоторые промежуточные моменты между приступами ощущал в себе унижайшую панику расставания со всем этим любимым миром, который, самое досадное, становился с каждым годом всё приятней, родней и благодарней при правильном обращении. А теперь он вдруг как-то очень хорошо почувствовал, что ведь дело-то обычное, ведь не первый он, ведь все те русские люди — плотники, печники, охотники, опыт которых он так берёт, с такой любовью продолжал — все они в конце концов тоже умирали и тоже стояли перед этим вопросом, и что если он видел смысл своей жизни в следовании их опыту, стараясь держать масть мужика с большой буквы, то это опыт-то не только плотницкий, печницкий, охотницкий, а самое главное — человеческий, самый ценный, потому что человеком труднее быть, чем хорошим охотником или плотником — вот оно как... и так покойно

и твёрдо становилось у Иваныча на душе от этой мысли, что больше уже ничего не тревожило...” И хороший, славный этому человеку дарован конец. Болезнь одолевает его, но он всё же строит баню: не для наследников (их таёжная жизнь не интересует), не для радости (всяким его земным радостям уж виден последний край), а потому, что есть недоделанное дело и следует всё же доделать его. Достраивает. Парится в бане один раз, а потом чистым отходит к Небесному Судии на суд, до конца исполнив долг. Хорошая смерть. Светлая смерть.

Михаил Тарковский не из тех писателей, кто наслаждается теменью, смакует её, акцентирует ощущение тупика, безвыходности. Он всегда оставляет надежду. Да, порой он берётся за тему тяжёлую, страшную но, к сожалению, принадлежащую “корневой” жизни народа, а потому необходимо становящаяся предметом для творческого исследования. Например, дикое, беспробудное пьянство в повести “Ложка супа”. Тарковский, описав явление без прикрас, делает необходимый вывод: “Лишь с виду пьянка дело хорошее и весёлое, а внутри нет болезни её страшнее, потому что от радикулита — хребёт, от кашля — лёгкие, а с похмелья душа отнимается”. То есть, в сущности, пьянство безбожно, поскольку губит душу и коверкает образ Божий в человеке. Более того, оно духовно отравляет детей, находящихся в обществе пьяниц и вечно видящих безобразия чуть ли не как норму. Но силён Бог в людях, а потому радость и свет, исходящие от Него, способны спасти от такого отравления. Вот в той же самой повести мальчик, переживший смерть самого близкого существа, бабушки, постоянно видящий пьянство других членов семьи, а потому тоскующий: “Колька лежит, на груди качается кот Васька. И хоть Бабушки нет, и маму с работы выгнали, и Дядька опять прикрикнул, а всё почему-то не замирает в нём, и сама собой нет-нет да и народится радость, и теперь вот не может заснуть, и всё в нём светится, живёт, искрит новая жизнь, и представляются то дяди-Васино весёлое лицо, то удочки налимы непроверенные, то снег и солнце... Долго ещё ждать Кольке, и долго будет томить тоска, изводить снегом и неподвижностью, чёрно-белым контуром снежной деревни, пока не настанет весна, не обтает угор и первая овсянка не перевяжет кровотокающую душу серебряной песенкой... Сидя на столбике, она вяжет свой узелок, но её родниковое ликование умиляет лишь до тех пор, пока не понимаешь, с какой протерозойской отчётливостью и отрешённостью кладёт она в теплеющий воздух свою руладку, звучащую уже не как детский щебет, а как исповедь рода, ни разу не погрешившего перед Богом”. Иначе говоря, и Бог существует, и радость жива в людях, и свет Божий их не покинул, но сколь многое они способны испакостить своими грехами!

Михаил Тарковский — писатель русский, православный, живущий на лоне величественной природы и продолжающий своим творчеством классическую традицию.

Вот и заканчивается в сборнике всё очень хорошо и очень правильно для русского мира, мира Божьего. Последняя повесть, а именно “Фарт”, в финале выходит на примирение двух любящих сердец, монастырь и празднование во имя Рождества Христова. А что может быть лучше, истиннее для Руси, чем сочетание любви и веры?

Рождество, оно для тех, кто любит и верует, — надежда древняя и вечно обновляющаяся. Христос родился! Значит, ещё потягнем, братие, значит, радость из нашей жизни не ушла.